

СТРАШНЕЕ СМЕРТИ

28 августа 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О депортации граждан немецкой национальности, проживающих в Автономной Республике немцев Поволжья».

Тысячи немецких семей вырвали из родных домов и выслали в Сибирь и Казахстан. Но этого тоталитарному режиму показалось мало. Сначала в трудармию, а по сути — в лагерь, забрали всех мужчин, затем мобилизовали и женщин. О том, в какие драматические события выливалась эта мобилизация, рассказали две женщины — свидетели тех трагических событий.

Семья Гильды сначала была выслана из Крыма в Карасуйский район Джамбульской области Казахстана. В начале 1942 года забрали в трудармию мужчин, а через несколько месяцев в числе других женщин повесткой вызвали в райцентр и её, имевшую двухмесячного ребёнка. Как ни доказывала она в сельсовете, что это ошибка, председатель был неумолим: раз требуют — надо идти! А это шестьдесят километров пешком по пыльной степной дороге. Ребёнка несли поочерёдно с другими мобилизованными. Два дня добирались до райисполкома. Её отпустили, но обратный путь занял трое суток, полных изнеможения и страха. Дело в том, что мобилизованные в трудармию матери, имевшие

детей старше трёх лет, отдали их оставшимся женщинам. Гильде оставили шестерых — от трёх до одиннадцати лет. Без еды, раздетых и разутых. С ними и шла обратно.

— Минуты расставания с детьми невозможно передать, — вспоминает она. — Сердце разрывалось при виде детских рученок, вцепившихся в матерей. Последние объятия и поцелуи, долгие прощальные взмахи рук. Расставались навсегда. Ведь уходили женщины в полную неизвестность. Куда? На сколько забирают? Никто не знал. Нет, такое забыть нельзя! До сих пор как живые стоят эти сцены перед моими глазами!

Прошёл почти год, и картина повторилась. Теперь забирали даже тех, у кого был один ребёнок младше трёх лет. Гильде, поскольку она оставалась, как многодетная мать, добавили ещё троих ребятшек. Всего их стало десять. Как жить будут? В тот момент никто не думал. Горе расставания поглотило все мысли и чувства. Но случилось чудо. Через несколько дней некоторые женщины из этой партии мобилизованных вернулись назад. Они и рассказали о том, что произошло.

Всю дорогу от райцентра не просыхали женские глаза. Из памяти не выходили минуты прощания. Не давала покоя мысль, что их милые крохи остались у чужих людей, которым и самим-то нечего есть. Воображение рисовало картины одну страшнее другой. Будто наяву слышали они, как заливаются слезами малыutki.

Страх, жалость воспламенили огонёк надежды, побудили к действиям. Матери прекрасно понимали: нельзя ждать сложа руки, надо что-то делать. Хотя бы потребовать, чтобы разрешили взять детей с собой. Ведь ясно, что без матерей малыши погибнут от голода и болезней. В райвоенкомате их смешанные со слезами мольбы выслушали, не дрогнув.

С приближением роковой минуты отъезда пружина душевного напряжения сжалась до предела. И когда раздался гудок паровоза, а вагоны тронулись с места, эта пружина разжалась с огромной силой и вылилась в жуткие женские рыдания. Они слились в один голос. Картина была столь неожиданной и ужасной, что на погрузочной площадке и на подводах, доставивших женщин из районов, все оцепенели. Поезд резко затормозил и остановился. Через минуту раздался ещё один, более долгий гудок, но он потонул во всеобщем крике.

Матери с плачем начали покидать вагоны, прыгая с высоты на насыпь. Некоторые тут же становились на колени, воздев руки к небу для молитвы. Это был порыв безумного отчаяния и праведного гнева. Состав стоял неподвижно. У паровоза громко, с густым матом, переругивались мужчины. Через некоторое время последовала команда: женщины, дети которых не достигли трёхлетнего возраста, могут вернуться домой.

Не выдержало мужское сердце женских рыданий. Не смогла рука машиниста отжать реверс, чтобы второй раз сдвинуть с места рыдающий эшелон. Об ответственности, которую взяли на себя он и сотрудник НКВД, фактически сорвавшие выполнение приказа по дополнительной мобилизации женщин-немок для угольной промышленности, никто в этой обстановке, конечно, не задумался.

Семью Елены из города Энгельса выслали в Хакасию. Она рассказала ещё об одном драматическом эпизоде мобилизации немецких женщин в трудармию. Произошло это на железнодорожной станции в Абакане. До самого отправления поезда матери не могли оторваться от детей, а дети от матерей. Никакие команды садиться в вагоны не действовали. Сопровождавшие эшелон сотрудники НКВД начали вырывать малышей из материнских рук. Поезд уже тронулся, и плачущих женщин силой загоняли в вагоны. Одна из них, обезумев от горя, побежала вдоль состава с ребёнком на руках. Ей протягивали руки, пытаясь помочь забраться в вагон. Но она продолжала бежать и в какой-то миг, прижав к себе сына, бросилась под колёса. Говорили, что это был её первенец. Муж, тоже поволжский немец, пропал без вести в самом начале войны. Трёхлетнего сына пришлось бы оставить на верную гибель. Такой судьбе она предпочла смерть для них обоих.

Материнская боль не знает национальных различий. Она одинакова для всех — немка ты, русская или киргизка. Именно по этому, самому чувствительному, месту ударила немецких женщин циничная большевистская власть. Это должны знать потомки.

ТРЕТИЙ ТОСТ

Осенью, в начале девяностых годов, я был в Москве на курсах повышения квалификации. Жил недалеко от Павелецкого вокзала, в гостинице. Рядом со мной, в полторакомнатной хрущёвке, пчелиным ульем гудел штаб недавно созданного общества «Возрождение». Около десятка энтузиастов из разных мест Союза съехались сюда, чтобы возглавить движение за восстановление Поволжской республики. Среди них — обаятельная блондинка, профессиональный культработник, певунья Альма Эглит. Её дело — строчить на машинке нескончаемые бумаги, которые составлялись под предводительством Генриха Гроута, с которым я познакомился в первый день. Без умолку работает телефон, связывая в узел рождающиеся, как грибы после дождя, новые организации. Ночью восемнадцатиметровое жильё превращается в переполненный людьми вокзал, и ни запоздалый звонок из Калининграда, ни сменяющий его утренний зов Сахалина, ни стук пишущей машинки не могут побороть мертвецкий сон уставших за день людей. Это был романтический период бури и натиска, надежд, казалось бы, на близкие и реальные свершения. К нему относятся и рождение традиции, о которой я хочу рассказать. Но сначала совершим небольшой экскурс в историю, чтобы было понятно стремление энтузиастов «Возрождения».

Во время правления Екатерины Великой было принято решение об укреплении и расширении границ России. В Крыму победили турков, надо было заселить земли, обрабатывать их и укрепить границу. В Поволжье царствовал тогда степной народ: башкиры, татары и калмыки. И Екатерина в 1763 году послала гонцов в Германию с обещаниями дать землю, прислать плотников, отменить на сто лет налоги и не брать в армию парней. Подчиняться колонии должны были царскому двору. А в Германии в то время было триста герцогств и княжеств. Каждый герцог мог со своим народом делать что захочет. Земли крестьянам не хватало, парней продавали в солдаты в Америку, за веру преследовали. И немцы поехали в Россию целыми семьями. Они ехали до Гамбурга, Любека, Ростока, а оттуда

судами — до Кронштадта, где принимали присягу на верность России и Екатерине Великой. А дальше — к Саратову, где их ждала степь, холодная зима и никакой помощи. Когда в 1761 — 1762 годах по просьбе Екатерины немецкий путешественник-исследователь Петер Симон Паллас проводил обследования степей Поволжья, в своём заключении он написал, что постоянное проживание здесь людей невозможно, разве что летом выпасать скот.

Первыми приехали двадцать девять тысяч человек — это восемь тысяч семей. Из них после первой зимы выжила только половина, остальные умерли от голода, холода и преследований башкир и калмыков.

Другая партия плыла на лодках по Дунаю к Чёрному морю. Позже немцы создали заповедник «Аскания-Нова», заложили виноградники и производили вина и крымское шампанское, создавали лесничества. А в Поволжье заложили сады, обработали землю под зерновые культуры, построили кирпичные заводы, школы, церкви, техникумы, институты и театры. И в сталинские времена Поволжье называли цветущим садом. Туда возили людей на экскурсии. Но в переписи населения стояло количество русских, украинцев и прочих. Немцы всегда были прочим советским народом, хотя на территории СССР жило до четырёх миллионов человек немецкой национальности. Мой прадед по отцу Давыд Лукьянович точно помнил, что дед его деда тоже родился в России. Наши семейные летописи по линии мамы хранят записи, что её прабабушка родилась и жила на Волге, в деревне Ной-Ваймар. В Поволжье далёкие предки моей мамы прибыли с первой группой переселенцев в 1763 году из земли Гессен. А в 1941 году были насильно выселены в Сибирь и Казахстан.

Вернёмся к прерванному рассказу. Как в любой мужской компании, у активистов не обходилось без застолий, по случаю и без него. Новичок в дискуссиях и правилах «немецкого общежития», я был немало удивлён, когда в один из первых таких вечеров, после того как было «налито по новой», поднялась Альма и коротко вымолвила: «Третий тост». Дело, как видно, было привычное, и все встали. «За трудармейцев. Не чокаясь. Молча. До дна», —

дополнил кто-то, явно рассчитывая на просвещение новичков. Выпили, помолчали мгновение, сели. И потекла дальше подогретая «Московской» оживлённая беседа. О чём? Известное дело — о работе, как в любой другой мужской компании.

Этот только что произнесённый тост напомнил мне другой — простой и вместе с тем глубокомысленный: выпить чару за тех, кто в море, кто навсегда остался в водной пучине или рискует не вернуться к родному очагу. Я подумал: какая удивительная аналогия пришла кому-то в голову — перенять эту вековую традицию и создать нерукотворный памятник нашим соплеменникам, кому выпало лагерной пылью уйти в таёжную безвестность.

Говорят, что море и теперь отнимает десятки тысяч человеческих жизней. Но много ли памятников поставлено им на берегу? Единицы, и то погибшим кораблям. Тем, в частности, и объясняется живучесть гуманной традиции — тостами поминать своих погибших морских братьев. Не сродни ли этому племени и наш российско-немецкий народ? В годы войны он потерял полмиллиона человек: триста тысяч мужчин и двести тысяч женщин и детей — каждого третьего от общего числа. Но только о двухobelisках в их память известно немецкой общественности. Причём — ни одного, поставленного от имени советского государства, прямого виновника их преднамеренного истребления. Потому и российским немцам, где бы они ни обитали, нужен этот родившийся в пору национального взлёта обычай — вспомнить о тех, кто покоится в тайных усыпальницах НКВД, о вдовах, осиротевших детях и несостоявшихся жёнах.

«За трудармейцев!» — это тост и в память о наших дедах и бабушках, которые прошли через рабство ГУЛАГа, здравица в честь отцов и матерей, босоногих, вечно голодных детей войны, хлебнувших бригадирского и комендантского крепостного права. Всё меньше их остаётся, по мере того как взроsteет поколение российских немцев, подрастают их дети и внуки. Но в том и состоит изначальный закон жизни, что в вечной смене поколений сохраняется неумирающая память о великих делах и бедствиях народа.

Память о ней не должна утонуть в сложностях жизни и в зигзагах смешанных семей.

«Третий тост!» — будто сегодня, мне слышится голос Альмы Эглит, которой, к великой жалости, уже нет среди живых.

Тогда, в начале девяностых, она думала, как увековечить память народных мучеников — трудармейцев. Видимо, ей и принадлежит начало традиции, которая, как я убедился, живёт не только в нашей семье. Об этом неписаном святом правиле есть стихотворение.